

О.С. Сухих
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород
Россия

АРТУР КЕСТЛЕР: ДИАЛОГ С ДОСТОЕВСКИМ

В сб.: Концепция мира и человека в русской и зарубежной литературе: теория и практика изучения художественного произведения: Материалы 1 всероссийской научно-практической конференции 28 марта 2011 года / Мар. гос. ун-т; под ред. Т.А. Золотовой. – Йошкар-Ола, 2011. – 368 с. С. 234-245.

Роман А. Кёстлера «Слепящая тьма» был создан на рубеже 30-40-х гг. XX века и отразил события второй половины 30-х гг., касающиеся гибели «ленинской гвардии» в эпоху сталинских репрессий. Однако философско-этическая проблематика этого произведения выходит далеко за пределы осмысления тех исторических процессов, которые происходили тогда в нашей стране. Не случайно эпиграфы, подобранные автором к отдельным главам и ко всему роману в целом, отсылают нас к общечеловеческим вопросам. И эти вопросы имеют прямое отношение к творчеству Ф.М. Достоевского. Имя этого писателя упоминается в произведении А. Кёстлера в связи с романом «Преступление и наказание» и его героем Раскольниковым: сначала перед нами эпиграф, взятый из этого романа, а затем спор Николая Рубашова со следователем Ивановым о правомерности насилия. Разговор этих героев, по выражению одного из критиков, происходит «как бы в присутствии Достоевского» [6, 261]. Перефразируя эти слова, можно сказать, что все философские размышления героев «Слепящей тьмы» раскрываются как будто «в присутствии Достоевского».

Тема «крови по совести», морального оправдания любых средств ради великой цели становится точкой соприкосновения произведений Достоевского и Кёстлера. Однако следует отметить, что вопрос о правомерности антиморальных действий ради благой цели осмысливался Достоевским не только в «Преступлении и наказании»: он поставлен с не меньшей остротой в «Братьях Карамазовых», в «Легенде о великом инквизиторе», которая концентрирует в себе все неразрешимые «антиномии» Достоевского, являясь в философском отношении вершиной его творчества. Здесь этот вопрос о цели и средствах приобретает глобальный характер, связывается с историей мира и человечества, с её закономерностями, как и в «Слепящей тьме» А. Кёстлера, где герои постоянно апеллируют именно к истории. Кроме того, есть ещё одна причина рассматривать этот роман через призму проблематики «Легенды о великом инквизиторе», а не только «Преступления и наказания». Если Раскольников делает лишь первый шаг по пути оправдания преступления ради благой цели, да и этого первого шага, как он сам признаёт, не может выдержать, то великий инквизитор уже твёрдо стоит

на этом пути и даже далеко заходит по нему – это как раз объединяет его с персонажами А. Кёстлера. Стоит вспомнить и тот факт, что русская философская мысль [1; 2; 13; 15] ассоциирует идеологию великого инквизитора с социалистической идеей, носителей которой и изобразил А. Кёстлер; в связи с этим отметим также, что на Западе в Достоевском зачастую видели «пророка большевистской социалистической революции» [11, 558]. Наконец, ещё одно сходство «Легенды о великом инквизиторе» и «Слепящей тьмы» касается принципиальной особенности их поэтики. В «Легенде» сюжет представляет собой развитие не столько событий, сколько философской мысли. Практически аналогичный принцип положен в основу романа А. Кёстлера. Его событийная линия крайне небогата и весьма предсказуема (в этом отношении гораздо более неожиданно выглядит развязка «Легенды о великом инквизиторе» – поцелуй Христа и ответное душевное движение кардинала, отпускающего Пленника), но напряжение до конца произведения не покидает читателя, а создаётся оно сложной диалектикой философских взглядов главного героя Кёстлера. И эти взгляды в своей основе во многом близки к воззрениям великого инквизитора.

Герой «поэмы» Ивана Карамазова, «столь упорно и столь по-своему любящий человечество» [4, 239], исходит из слабых сторон человеческой природы и решает, что люди, которые «малосильны, порочны, ничтожны» [4, 231], не способны вынести дар духовной свободы, данной им Христом. С точки зрения великого инквизитора, существует единственный путь к счастью «миллионов, многочисленных, как песок морской» [4, 231]: избавить их от свободы, взять в свои руки абсолютную власть над человеческим «муравейником», поработив людей, жаждущих «хлеба земного» и завладев их духом с помощью «чуда, тайны и авторитета». Великий инквизитор, таким образом, отказывается от христианских принципов в пользу «указания умного духа, страшного духа» [4, 238], фактически принимая три искушения, отвергнутые Христом. На такой основе создаётся государство, в котором организована внешне благополучная, устойчивая жизнь миллионов людей. *Существование этого государства обеспечивается двумя факторами: ложью и насилием.*

В практике великого инквизитора **насилие над личностью** неизбежно по отношению к «еретикам», то есть к тем, кто мыслит и живёт иначе, чем принято, чем определено властителем. Только так можно сохранить подобное государство, не случайно кардинал «разгорячён автодафе во сто сожжённых еретиков». При этом конечная цель великого инквизитора вроде бы вполне соответствует принципу христианской «любви к ближнему»: избавить людей от вековых страданий, дать им счастье и успокоение. «Инквизитор, – пишет Р. Бэлнеп, – верит, что творит добро на земле, борясь с войнами, голодом и отчаянием людей» [3, 189]. Но к этой цели ведёт весьма извилистый путь, на котором «благодетелю человечества» приходится принять антихристианские средства, оправдать насилие над человеком ради счастья человечества, будучи уверенным в том, что «моральный расход не превысит дохода» [16, 33].

Такое же неустранимое и глубокое противоречие между гуманной сутью конечной цели и антигуманным характером средств её достижения лежит в

основе идеи, которую исповедуют герои романа А. Кёстлера «Слепящая тьма». Николай Рубашов рассуждает в своём дневнике о природе человека и, как и великий инквизитор, исходит из убеждения, что человек слаб, поэтому к счастью и развитию его нужно привести «**железной рукой**». Примерно так же мотивирует свою позицию следователь Глеткин – «граммофон, наделённый способностью соображать» [12, 71], – когда объясняет, что ради счастья потомков необходима индустриализация страны, а для этого нужно приучить крестьянство к машинам и «промышленной точности» в максимально короткие сроки, следовательно, необходима жестокая система: «Если мы не будем увольнять их и расстреливать за малейшие ошибки, они не отвыкнут спать у станков или во дворах фабрик, и страну охватит мёртвый застой» [9, 134]. Страна Победившей Революции должна идти вперёд и добиваться лучших результатов во всех сферах жизни – таково условие счастья всего человечества в дальнейшем, и ради такой цели допустимы жертвы – в этом Рубашов соглашается с Глеткиным. По сюжету эти герои – противники: следователь и обвиняемый, но в конечном итоге их объединяет общая философия жизни, которая была свойственна и великому инквизитору у Достоевского. Идея «насильственного счастья», завладевшая сознанием этих героев, подразумевает принцип «цель оправдывает средства». Целью героев является счастливое будущее человечества, мир «свободы, равенства и братства», то есть цель вполне гуманная. Но к ней ведёт путь, залитый кровью. Рубашов приходит к выводу, что это своего рода «кровь по совести», поскольку если конечная цель верна, то идущий к ней человек прав и будет оправдан историей, даже если преступил границы морали. Так же и великий инквизитор уверен в истинности своей цели и поэтому ради неё готов обрекать на смерть сотни «еретиков».

Проблема **правды и лжи** тоже решается великим инквизитором и Рубашовым практически одинаково. Герой Достоевского лжёт, поскольку понимает, что правда разрушила бы благополучную жизнь государства, безмятежное состояние духа «счастливых младенцев». Ложь необходима, чтобы «совесть человека была усыплена мнимым согласием с заветами Бога» [10, 113], чтобы уверить людей, что они живут в христианском обществе, хотя оно по своей сути, скорее, антихристианское: «... и солжём, что во имя Твоё» [4, 231], – говорит Пленнику великий инквизитор, формулируя основополагающий принцип идеологии своего государства – принцип «манипуляции сознанием». Иван так объясняет мотивы поведения своего героя: «Он видит, что надо идти по указанию умного духа, страшного духа смерти и разрушения, а для того принять ложь и обман и вести людей уже сознательно к смерти и разрушению, и притом обманывать их всю дорогу, чтоб они как-нибудь не заметили, куда их ведут, для того чтобы хоть в дороге-то жалкие эти слепцы считали себя счастливыми» [4, 238]. В произведении А. Кёстлера главный герой обосновывает необходимость лжи теми же соображениями – пользой для большинства людей, целесообразностью. Когда немецкий коммунист Рихард пытается доказать, что нужно говорить правду даже в ситуации поражения, то Рубашов отвергает этот взгляд. Хотя субъективно ему близки понятия честности, чести, чистоты нравственных

принципов, но он решает вопрос с точки зрения интересов Партии: не любая правда полезна делу. В дневнике главный герой подводит под это философскую базу в духе Ивана Карамазова: «История учит нас, что ложь служит ей гораздо успешней, чем правда, ибо человек слаб и к каждому этапу в своём развитии должен быть подведён насильно – через сорокалетние скитания по пустыне. К этим скитаниям его приходится принуждать угрозами и посулами, мнимыми наградами и воображаемыми карами – чтобы он не остановился преждевременно» [9, 149]. В обоих случаях жизнь представлена как тяжёлый путь, на котором лишь «утешительная ложь» способна придать человеку силы.

Произведения Достоевского и Кёстлера объединяет и тема **разума, логики, приводящей человека в нравственный тупик**. В «Легенде о великом инквизиторе» кардинал осмысливает историю человечества с точки зрения «эвклидовского» (как говорит Иван Карамазов) разума, для которого всё определяется логикой, прямым соответствием причины и следствия, «математическим» расчётом. Эта логика приводит героя к убеждению, что советы «могучего и умного духа» соответствуют природе слабого человека, а потому могут обеспечить счастье миллионов людей. Весь его монолог построен на «математических» доказательствах этого. Кардинал исходит из убеждения, что человек должен быть счастлив, если он обеспечен «хлебом», если «усыплена» его совесть и он чувствует себя частью «всеобщего и согласного муравейника». Однако рационалистическая логика имеет существенный изъян: не учитывает иррационального начала в человеке. Поэтому она не объясняет, например, того факта, что в благополучном государстве есть «еретики». Как говорил герой «Записок из подполья» – «этуда о природе человека» [14, 263], – даже в хрустальном дворце идеального будущего может появиться какой-нибудь странный господин, которому захочется разрушить все «логарифмы» блестящего благополучия только ради того, чтобы «по своей глупой воле пожить» [5, 113]. Логика «логарифмов» не объясняет и финального поступка самого кардинала, который, приняв решение казнить Пленника (а это решение прямо вытекает из его рассуждений), тем не менее не может это сделать и отпускает Его. Излюбленная тема Достоевского – конфликт идеи и природы – раскрывается в этом эпизоде: идея требует пожертвовать жизнью Пленника, но природа сопротивляется логике, поскольку не всё в человеке определяется «математическим» расчётом.

В романе «Слепящая тьма» мотив рационалистической логики становится сквозным, и вполне закономерно, что Рубашов в своих рассуждениях использует *математическую символику*: икс – это народные массы, уравнение – это законы исторического процесса. Говоря о работе теоретиков революции, он называет её точнейшей наукой. Перед нами человек, стремящийся мыслить исключительно рационально. И именно логические построения приводят Рубашова к убеждению, что можно «заменить порядочность полезностью» и пойти на всё ради победы того дела, в которое веришь. Несложная цепочка «логарифмов» ведёт от искреннего желания осчастливить человечество к предательству конкретного человека: Рихард оставлен на произвол судьбы ради сохранения единства партии, Леви объявлен провокатором ради спасения

экономики Страны Победившей Революции, Арлова обречена на гибель ради того, чтобы Рубашов не оказался под ударом и мог дальше служить делу, приносить пользу, как он её понимает. А в дальнейшем герой обрекает и себя на унижение и гибель ради того, чтобы своим примером убересть других от «ошибочного» пути. С точки зрения целесообразности всё это оправдано, а соображения гуманизма и порядочности, «нормы чувств» [8, 52] становятся «балластом», от которого человечество должно освободиться на пути к счастью. Такова идея главного героя, которая определяет его нравственный облик и способ действий, не случайно критика называет Рубашова «носителем определённой системы идей», а произведение Кёстлера – «идеологическим романом» [7, 44 – 45]. Рубашов уверен, что действовать разумно – значит действовать верно, но в реальности получается, что разум, не соединённый с нравственным законом, не приводит к счастью, а уводит всё дальше от него. Именно рационализм шаг за шагом ведёт главного героя в тупик. По логике каждый шаг должен приближать его к конечной светлой цели, но в реальности эта цель всё более отдаляется, а путь к ней, залитый морями крови, становится бесконечным, поэтому вместо света перед героем возникает «слепящая тьма». «Наши принципы, безусловно, верны – почему же Партия зашла в тупик? Общество поразили жестокий недуг. Применяя точнейшие научные методы, мы установили сущность недуга и способ лечения: хирургическое вмешательство. И однако наш целительный скальпель постоянно вызывает всё новые язвы» [9, 136], – пишет в дневнике главный герой. Лишь в финале романа наступает прозрение Рубашова, и он начинает понимать, что разум не исчерпывает всей сути жизни. Ранее он уверенно рассуждал: «Мы выбросили за борт балласт буржуазных предрассудков, а потому вынуждены руководствоваться одним-единственным мериллом – разумом» [9, 145]. Теперь же он чувствует, что «свобода рассудка, лишённого древних алогичных запретов “Ты не должен” и “Ты не смеешь”, превращает жизнь человека в абсурд <...> Возможно, человечеству необходим балласт. И, возможно, избрав проводником разум, они шли таким извилистым путём, что потеряли из виду светлую цель» [9, 145].

Опора на разум и логику заставляет человека заглушать в себе голос сердца, внутренний нравственный императив, именуемый совестью, – человек идёт **против собственной природы ради идеи**. Такова ситуация и у Достоевского, и у Кёстлера. И такое противоречие порождает **нравственные страдания** героев.

Раскольников уже стал хрестоматийным примером тому. В «Легенде о великом инквизиторе» моральные страдания кардинала менее очевидны, и первый слушатель «поэмы» Алёша Карамазов даже предполагает, будто за действиями инквизитора стоит лишь жажда власти любой ценой, что делало бы его просто безнравственным человеком. Но автор «поэмы» опровергает такую точку зрения и настаивает на том, что великий инквизитор по природе своей не злодей, а человек, принёсший себя в жертву счастью миллионов других людей. Он страдает из-за вынужденной лжи, из-за необходимости принять на себя «проклятие познания добра и зла» и насильственно привести людей к счастью:

«И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими» [4, 236].

А. Кёстлер показал в своём романе различные типы представителей власти: с одной стороны – Иванов и Глеткин, полностью отбросившие понятие морали, а потому не испытывающие мук совести, и с другой стороны – Рубашов, в душе которого живёт непреодоленное противоречие между гуманной, порядочной натурой и идеей, требующей перешагнуть через гуманизм, честь, мораль. Эта «типология» героев-коммунистов вызывает ассоциацию с рассуждениями Раскольникова: когда Порфирий Петрович интересуется, подразумевает ли теория «крови по совести» моральные страдания из-за преступления, то Раскольников отвечает, что *всё зависит от нравственных качеств человека* – если у него есть совесть, он будет страдать, а если нет – переживёт антиморальный поступок спокойно. Подобные два типа людей как раз представлены на страницах «Слепящей тьмы». Психология ивановых и глеткиных исключает понятие «совести» и выглядит упрощённой, «выпрямленной», тогда как внутренний мир главного героя соткан из противоречий, и это определяет для него невозможность душевного покоя. Постоянно мучающая Рубашова зубная боль – это своеобразная иносказательная параллель больной совести, которую пробуждают и тревожат воспоминания о судьбах Рихарда, Леви, Арловой, которых он мог спасти или хотя бы попытаться это сделать, но ради торжества идеи отверг такую возможность. Он подавил в себе сочувствие к тысячам репрессированных крестьян, к погибшим товарищам по партийной борьбе, признав, что неразумно жалеть человека, если это наносит ущерб делу Партии, стремящейся к счастью всего человечества. И всё же совесть в нем не умерла, и отсюда душевная боль, невозможность отделаться от мысли о том, что правильный и логически выверенный путь к благой цели требует «духовной эквилибристики», которая способна измучить человека. Не случайно роман производит впечатление «написанной кровью и слезами картины» [17, 117].

Психологическая раздвоенность героя, во внутреннем мире которого происходит противоборство идеи и натуры, художественно воплощается Ф.М. Достоевским в «Легенде о великом инквизиторе» в **форме «монолога-диалога»**: формально перед нами *монолог* великого инквизитора, но по сути это *диалог* с Пленником. Хотя тот не произносит ни слова, его позицию фактически выражает сам кардинал, эмоционально споря с ней. При этом для инквизитора (и для автора «поэмы» – Ивана) не имеет значения, находится ли перед ним Христос или «подобие его» или это лишь галлюцинация, порождённая собственным сознанием кардинала. Важна в данном случае возможность выговориться, выразить собственное *credo*. Великий инквизитор излагает в напряжённом монологе свою *идею, рационалистическую жизненную философию*. А Пленник, с которым спорит кардинал, воплощает в себе то *христианское начало*, которое почти подавлено в *душе* инквизитора, но всё же ещё живо, о чём говорит финал «Легенды». И весь страстный монолог кардинала – это не что иное, как попытка окончательно заглушить голос сердца и доказать правоту разума, – попытка, всё-таки не увенчавшаяся успехом.

Интересно, что с похожей ситуацией мы сталкиваемся и в романе А. Кёстлера, где изображается «общение» главного героя со своим вторым «я», никогда не отвечающим ему в словесной форме, – *Немым Собеседником*: «Оказалось, что раздумье – мысленный монолог – это на самом деле диалог» [9, 152]. Как и в произведении Достоевского, здесь перед нами психологически раздвоенный герой, в котором натура противостоит идее, и выражением натуры, души, совести становится Немой Собеседник. Не случайно в столкновении с ним логика утрачивает всякую силу.

Итак, герои Достоевского и Кёстлера считают возможным прийти к добру через антиморальные действия, потому что истинно великая цель стоит любых средств. Но **достигнута ли та самая высокая цель, ради которой принесено столько жертв?**

В «Легенде о великом инквизиторе» кардинал уверен, что достиг того, к чему стремился: в его государстве действительно «миллионы счастливых младенцев», жизнь которых благополучно устроена. Но само существование «еретиков» (они, правда, оставлены «за кадром», но всё же упомянуты) уже опровергает его убеждение. А самое, пожалуй, эмоционально сильное опровержение его позиции – это непосредственная реакция Алёши Карамазова на только что услышанную «поэму» Ивана: «Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того» [4, 237]. Алёша выражает ту мысль, что Иван лишь «от противного» доказал правоту Христа, потому что «указание умного духа», как оказалось, приводит в конечном итоге к жестокому и безнравственному по своей сути общественному устройству, которое лишь внешне обманчиво выглядит как земной рай.

Что касается «Слепящей тьмы», её главный герой начинает с того, что пытается морально противостоять жестокости партийной политики, губящей массу безвинных людей. Но потом он приходит к признанию ошибочности этих своих взглядов, так как искренне верит в то, что идея Партии и Первого если ещё не привела, то непременно приведёт в достижению великой цели. К этому сводится вся логика рассуждений Рубашова, и именно это помогает следователям добиться от него любых признаний, которые были бы полезны делу Партии. Если бы на этом заканчивалось повествование, то роман «Слепящая тьма» можно было бы понять как апологетику самопожертвования героя во имя интересов дела – по аналогии, например, с повестью А. Тарасова-Родионова «Шоколад», где честный и преданный идеалам коммунизма человек тоже оговаривает себя, чтобы не нанести ущерб делу Партии, и при этом искренне считает такой поступок правильным. Однако у А. Кёстлера всё по-другому: в последний момент Рубашов всё-таки освобождается из плена идеи и вновь видит жизнь непредвзятым взглядом. Он начинает понимать, что для него и таких, как он, путь к цели заслонил саму цель, поэтому она не приближается, а отдаляется. Это напоминает сон Раскольникова, в котором он пытается убить процентщицу, но чем сильнее его удары, тем громче её смех. Процентщица для Раскольникова воплощала в себе несправедливость, бездушие и жестокость, и с этой точки зрения её убийство – попытка уничтожить зло с помощью насилия, однако цель не достигнута: зло тем

больше торжествует, чем больше нагнетается насилие. Точно так же и в ситуации со Страной Победившей Революции в романе А. Кёстлера. Автор подводит читателя к мысли, что невозможно достичь добра, прибегнув к помощи зла, и при этом он опирается на творческий опыт Достоевского, художественно переосмысливая его в связи с историей XX века.

Литература

1. *Бердяев, Н.А.* Великий инквизитор / Н.А. Бердяев // Сб. ст. О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. – М., 1991.
2. *Булгаков, С.Н.* Иван Карамазов в романе Достоевского «Братья Карамазовы» как философский тип / С.Н. Булгаков // Сб. ст. О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. – М., 1991.
3. *Бэлнеп, Роберт Л.* Генезис «Братьев Карамазовых» / Роберт Л. Бэлнеп. – СПб, 2003.
4. *Достоевский, Ф.М.* Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 30 т. – Т. 14. – Л., 1976.
5. *Достоевский, Ф.М.* Записки из подполья / Ф.М. Достоевский. Собр. соч.: в 30 т. – Т. 5. – Л., 1973.
6. *Злобина, М.* Версия Кёстлера: книга и жизнь / М. Злобина // Новый мир. 1989. № 2.
7. *Золотоносов, М.* Красная магия / М. Золотоносов // Литературное обозрение. 1989. № 2.
8. *Кантор, В.* Назвать тьму тьмою / В. Кантор // Литературное обозрение. 1989. № 2.
9. *Кёстлер, А.* Слепящая тьма / Перевод с англ. А. Кистяковского / А. Кёстлер // Нева. 1988. № 7, 8.
10. *Лосский, Н.О.* Условия абсолютного добра / Н.О. Лосский. – М., 1991.
11. *Оливьери, К.* Достоевский в Италии. Столетие критической мысли / К. Оливьери // Сб.ст. Достоевский и XX век: в 2 тт. – Т. 2. – М., 2007.
12. *Оруэлл, Дж.* Артур Кёстлер / Перевод с англ. А. Зверева / Дж. Оруэлл // Вопросы философии. 1990. № 10.
13. *Розанов, В.В.* О легенде «Великий инквизитор» / В.В. Розанов // Сб. ст. О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. – М., 1991.
14. *Семёнова, С.* «Высшая идея существования» у Достоевского / С. Семёнова. Метафизика русской литературы: в 2 тт. Т. 1. – М., 2004.
15. *Франк, С.Л.* Легенда о великом инквизиторе / С.Л. Франк // Сб. ст. О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. – М., 1991.
16. *Франк, С.Л.* Фридрих Ницше и этика любви к дальнему / С.Л. Франк. Сочинения. – М., 1990.
17. *Чубинский, В.* Артур Кёстлер и его роман / В. Чубинский // Нева. 1988. № 7.